Галина
БОЛКВАДЗЕ

СИНЬ

А море было синим-синим,
Каким ему и надлежало быть.
А волны медленно катили,
Лаская пеною гранит.
И небо было синим-синим,
Огромным, просто
необъятным.
Кораблики куда-то плыли.
День был октябрьский,
девятый.
Нам предлагали цивицкали,
И шотис пури, и чурчхелу,
Но, утолив свои печали,
Ни пить, ни есть мы
не хотели.
Мы потеряли возраст, имя
И позабыли дни недели.
Тела куда-то синью плыли,
А души? Души в рай летели.

ПОХМЕЛЬЕ

Исчезла радость опьяненья
Влюблённости последних лет.
Настало горькое похмелье,
Как будто притушили свет,
Как будто воздух перекрыли
И закрутили кран с водой,
И превратили в пепел крылья,
И спеленали тишиной.
Но… удивительно — живу,
Сижу, хожу и говорю,
И даже, кажется, дышу.
Опохмелиться не спешу,
Абстиненция моя
Мне стала нормой бытия.

УТРО В ПАРКЕ

Тихое зимнее утро.
Вьюга натешилась днями.
Небо устлано будто
Серыми простынями.
Каркают громко вороны,
Молча деревья стоят.
Мальчик шагает влюблённый,
Пряча сияющий взгляд.
Мальчик проходит мимо,
Жаром смущённо дыша.
Что-то неуловимое
Вновь ощутила душа.
Тихое зимнее утро,
В парке брожу не спеша.
Радость такая, будто
Снова я жду малыша.

ПОМНИ!

Не летать мне в поднебесье,
Не чирикать воробьём,
Не звенеть весёлой песней,
Не украсить водоём

Ни кувшинкой, ни рыбёшкой,
Полевым не быть цветком,
Ни берёзовой серёжкой,
Ни беспечным мотыльком.

Быть отныне и навеки
Только памятью твоей —
В жизнь влюблённым
человеком
С ярким пламенем страстей!

ОДНО ЖЕЛАНИЕ

Я в этот мир пришла нагой
И даже лысенькой.
Что в мир иной возьму
с собой,
Какую истину?

Что на таможне предъявить,
Что под запретом?
И как же там я стану жить,
Назвав себя поэтом?

Там нет земли и неба нет,
Лишь даль необозримая.
Быть может, там найдёт ответ
Душа вольнолюбивая?

К чему там шубы, хрустали,
Пушистый мех диванов?
Нагой я буду уходить
В край девственных туманов.

Одно желание — уйти,
Но предрассветной ранью,
Чтобы могла я захватить
Свои воспоминанья.

Александр
БАРСАЕВ

МОНОЛОГ ХОЗЯИНА ВЕРБЛЮДА

— Откуда деньги?
— От верблюда, —
дотошным часто говорю.
Стоит на улице «приблуда»,
и к «шерстяному фонарю»
шагают местные зеваки,
несут к нему свои рубли,
но в этом образе макаки
корабль пустыни — на мели.
Ему, наверно, солнце снится
над Каракумами весной,
но
он, горбатый, здесь крутиться
обязан каждый выходной.
Откуда деньги? От верблюда.
Доволен очень я рублю.
Стоит на улице «приблуда»,
и я к ней пони прикуплю.

ВЫШЕ ЭТАЖОМ

А мой сосед — ночной скрипач:
Полы его скрипят ночами,
Как будто за его плечами
Оркестр житейских неудач.

Мелодия — «Одна тоска»,
И в основании не новом.
Звучит всегда в ключе пиковом
Его паркетная доска.

Глухие годы не виня,
И я перед пустым рассветом
Порой вступаю с ним дуэтом,
Но не услышит он меня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дрожащий блеск звезды
вечерней
И чары вешние земли
В былые годы суеверней
Мне сердце тронуть
бы могли.

К.М. Фофанов

Не мне бояться суеверий,
И возвращаюсь я назад,
Иду в распахнутые двери
«Прости меня» тебе сказать.

Пусть в битом зеркале
сомненья
Течёт луною полной ночь,
Но с каждым шагом
возвращенья
Разлука убегает прочь.

ВЗГЛЯДЫ

Взгляды каменных женщин
В Петербурге страшны,
Эти взгляды похлеще
И гражданской войны.

В них укрыта навеки
Высота пустоты,
Не закроются веки,
Не приснятся мечты.

Всё, что было когда-то,
Помнят, как зеркала.
Ни бедны, ни богаты —
Ни добра нет, ни зла.

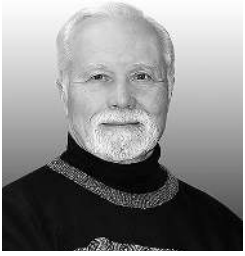
Только ночью порою,
Не найдя мест иных,
Бесы с чёрной тоскою
Поселяются в них.

КОШКИ И СОБАКИ

А кошкам тоже нужно есть
и не смотреть, что есть собаки.
Собачья въедливая месть
и смерть маячат в каждой
драке.

Бездомный пёс, бездомный кот
гуляют по одной дороге,
и если первому везёт,
второй изнашивает ноги.

Лишь в доме, где хозяин — пан,
где свет,
тепло,
где ласка близко,
есть примирительный диван
и примирительная миска.



Юрий
ПОЛУЭКТОВ

ПАМЯТИ ДРУГА

Я не знал, почему перелётные
птицы,
Надо мною крича, навивали
круги,
Вознося свой полёт до небесной
светлицы,
Словно Богу мои возвращали
долги.

Трепетал их полёт в лёгкой
дымке воздушной.
Рай лазурный для них
нараспашку открыт.
Это птицы несли твою светлую
душу,
Поднимаясь в зенит и рыдая
навзрыд.

***

Встань на полянке, где вязь
тополей
прячет луны любопытные
взоры,
где серебро светлячковых
узоров
так покаянно припало к земле.

В окнах-прогалах меж вещих
древес,
в полном ладу с распорядком
вселенским,
зорьку покликав, петух
деревенский
зёрна клюёт с предрассветных
небес.

Выйди к опушке и молча
молись,
чтобы на этой природной иконе,
словно буланые вольные кони,
лунные блики раздольно
паслись...

***

Робкий зной уходящего лета
Над палаткой линялой висит.
Речка саблей свинцового цвета
По излуке прощально блестит.

Растворяясь в осеннем
чарльстоне,
Подбодрившись глотком ветерка,
Покаянно мне лижет ладони
Захмелевший огонь костерка.

Курим с другом, ворчим
между прочим,
Отчего с каждым прожитым
днём
Наши сутки как будто короче,
И всё ближе небес окоём?

Разгоревшихся ягод подвески
Словно раны на ветках рябин...
Мне пригрезилось в огненном
треске...
У костра я остался один.

НОВЫЙ ГОД

В сенях снежок сухой, морозный
Мне с валенок сбивает мать.
Сегодня вновь китайской розе
Роль ёлки праздничной играть.

Блаженно жмурится в овчине
Кот Амфибрахий на печи.
А я так счастлив без причины,
Что хоть от радости кричи.

Не в силах дольше ждать,
украдкой
Я всё же пробую на вкус
Вобравший дух дубовой кадки
В капусте квашеный арбуз.

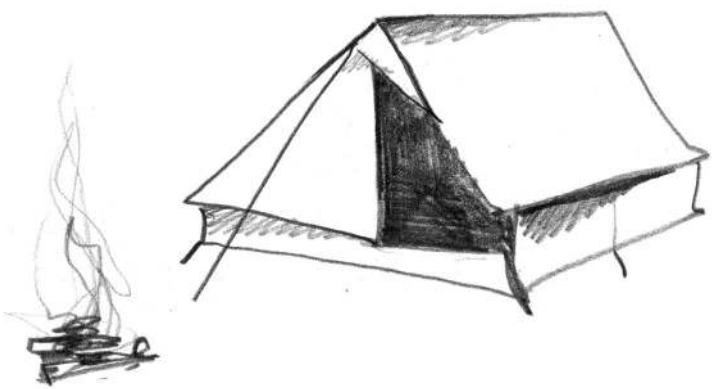
А мама тщательно скрывает
В лице мелькнувшую печаль.
Каймой пуховою играет
На плечи брошенная шаль.

Как ёлку, розу наряжаю...
Беспечно бьёт за часом час.
Мне пятый год. И я не знаю,
Что с папой мы в последний раз.

***

И снова я несу к губам
Ладони тёплой трепетанье:
Здесь нагадалась встреча нам
И неминучесть расставанья.

И встречный взглядами ожог,
И юной страсти откровенье,
Хотел забыть я, да не смог
Те вдохновенные мгновенья.

С тех пор — ревнуй иль
не ревнуй! —
Горит на холмике Венеры
Мой самый нежный поцелуй.
Мой самый трепетный.
Мой первый.

Мои озябшие уста
Твоя ладошка согревает.
Знать, наша встреча неспроста,
Коль свет в глазах не угасает.